

УДК 81'1

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
ПРЕСУППОЗИТИВНОЙ БАЗЫ ЗНАНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ***М. Н. Мостовая***UNIVERSAL AND NATIONAL-SPECIFIC COMPONENTS
OF PRESUPPOSITIONAL KNOWLEDGE BASIS IN THE LITERARY TEXT***M. N. Mostovaya*

Данная статья посвящена установлению и описанию универсальных и национально-специфичных компонентов пресуппозитивной базы знаний, реализованной в дискурсе иноязычного художественного произведения. Пресуппозиция рассматривается как механизм создания и декодирования смысла художественного текста.

The given article is devoted to the determination and definition of the universal and national-specific components of presuppositional knowledge basis as realized in the discourse of the foreign literary work. Presupposition is determined as a mechanism creating and decoding the literary text meaning.

Ключевые слова: смысл текста, дискурсивная обусловленность, дискурс художественного произведения, пресуппозитивная база знаний, языковая/речевая личность, универсальное, национально-специфичное, ментально-лингвальный комплекс знаний.

Keywords: text meaning, discursive conditioning, discourse of literary work, presuppositional knowledge basis, language/speech person, universal, national-specific, mental-lingual knowledge system.

На сегодняшний день в лингвистике дискуссионной остается проблема определения смысла текста. Отталкиваясь от дефиниций текста современных лингвистов (И. Р. Гальперин, З. Я. Тураева, Е. С. Кубрякова и др.), представляющих его в виде «некоей глобальной структуры, включающей в себя глубинные и поверхностные структуры» [1, с. 56], либо «образца сложной языковой формы, которая побуждает нас к творческому процессу ее понимания» [2, с. 518], становится ясно, что смысл текста – это результат его понимания, толкования и интерпретации реципиентом [3, с. 18]. Следовательно, при рассмотрении текста необходимо опираться, прежде всего, на его коммуникативную обусловленность, он не мыслим в статичности, так как является основной единицей дискурсивного взаимодействия людей, представляя собой высшую ступень его организации. Анализ текста с позиций дискурса устанавливает помимо горизонтальных моделей его порождения различные вертикальные линии (по З. Я. Тураевой), без которых каркас текста не мог бы существовать и выполнять одно из наиболее важных своих предназначений – «осмысление человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира», а также служить «сотворению и возникновению нового знания» [2, с. 518]. В этом аспекте смысл текста определяется через усвоенные человеком знания и опыт, что соотносит его «с той внутренней моделью мира, которая создается в сознании человека» [1, с. 85 – 86].

Ментальная природа рассматриваемого понятия предполагает его существование только в процессах непрерывного когнитивно-психологического осмысления, иначе говоря, текст и его смысл существуют только в том случае, если они отталкиваются от сознания человека и воспринимаются и интерпретируются им на основе имеющихся предтекстовых знаний, то есть «в основе текста лежит коммуникативное действие, с одной стороны, его автора,

который реализует с помощью определенных языковых и контекстных сигналов в создаваемой им структуре некую коммуникативно-прагматическую стратегию, или систему «когнитивных (концептуально-смысловых) установок» [4, с. 88], а с другой – его реципиента, который, опираясь на эти сигналы, в свою очередь, «реализует свои намерения наиболее адекватно разгадать эту стратегию или эти концептуально-смысловые установки» [5, с. 182]. С этой точки зрения художественный текст, на материале которого проводится наше исследование, как явление «множественно закодированное» [6, с. 115] вовлекается в процесс художественного дискурса, представляющего собой сосуществование «текстов разного вида» [7, с. 353] с опорой на действительность на более сложном уровне, так как он «реинтерпретирует действительность, вероятно, в более романтическом модусе. И достаточно часто именно он становится путеводителем массового сознания по истории» [7, с. 355 – 356]. Для того чтобы понять художественный текст (как и любой другой тип текста), необходимо «заглянуть в его вертикаль», представленную ментальными процессами и механизмами его организации и функционирования в процессе коммуникации.

К подобным механизмам создания и декодирования смысла текста, располагающимся на ментальном уровне включающего его дискурса, относится исследуемая нами пресуппозиция, которая рассматривается как единица лингвистических и экстралингвистических знаний субъектов дискурсивного взаимодействия, находящаяся в области их ментально-лингвальной компетенции, необходимых для установления соответствия между языковой наполняемостью, коммуникативной направленностью и жанровой отнесенностью данного художественного произведения. В совокупности реализованные в художественном тексте пресуппозитивные единицы составляют пресуппозитивную базу знаний (ПБЗ),

реализующуюся в трех плоскостях, представленных следующими пластами знаний с опорой на систему «автор – персонажи – читатель»: коммуникативно-прагматический, языковой, энциклопедический.

Первый пласт обозначается через коммуникативный опыт индивидов, то есть их умение ориентироваться в коммуникативной ситуации с опорой на тему общения, социальный статус, жанровое многообразие ведения дискурса. Языковые знания конкретизируются явлениями всех уровней языка, выраженных в грамматических категориях, фразеологических единицах и заполняющих текст в соответствии с протеканием дискурсивного взаимодействия. И, наконец, для понимания любого, а особенно художественного текста, необходимо знание реалий, предтекстов той действительности, к которой относится автор. Следовательно, явление пресуппозиции необходимо рассматривать в тесной связи с языковой/речевой личностью (ее компетенциями), включенной в контекст мировой и национальной культуры, концептуализированной и категоризированной в ее сознании, которое находится в постоянном диалоге, как между собой, так и относительно любого текста [8, с. 35].

Успех данного взаимодействия зависит от степени совпадения пресуппозиций автора (текста) с набором пресуппозитивных знаний реципиента. Безусловно, уровень восприятия текста представителями «своей» культуры будет достаточно высоким в виду общности мировидения и языка. В случае же разноотнесенности культур у субъектов дискурса проблема понимания смысла текста значительно возрастет, причиной тому, в том числе, являются различия в наборах пресуппозиций представителей разных языков-культур (термин З. К. Сабитовой). Определенные типы знаний станут опорой в понимании и интерпретации заложенной в тексте информации, другие же, напротив, создадут сложности и даже могут вызвать полное непонимание частей текста.

Целью нашей статьи является определение и выявление универсальных и национально-специфичных знаний пресуппозиционного типа в составе пресуппозитивной базы знаний художественного дискурса как комплекса культурно-обусловленных знаний ментального характера, необходимого для создания и дешифровки смысла иноязычного художественного текста.

Те знания, которые доступны и общепонятны представителям разных языков-культур, обладающих определенным ментально-лингвальным комплексом в рамках данного коммуникативно-дискурсивного взаимодействия, мы относим к универсальным.

В разрезе пресуппозиции, выступающей в качестве ментальной регулятивной единицы коммуникации и предполагающей единство категорий «язык – сознание – культура», универсальные знания преломляются через данные, детерминирующие понятия в следующем направлении:

язык/речь – сознание – (общеизвестная)
культура,

где язык определяется в качестве средства ведения диалога, который «предопределен самой природой человечества» [8, с. 13]; сознание есть универсальный механизм адаптации к окружающей действительности, а культура представлена наднациональными, общеизвестными формами, фактами, сферами жизнедеятельности человека.

Относительно субъектов выбранного нами в качестве примера дискурсивного взаимодействия внутри романа Г. Грасса «Ein weites Feld» [13, с. 625 – 630], между главным героем Фонти и его внучкой Мадлен, универсальное обнаруживается на всех трех уровнях пресуппозитивных знаний. Пример представлен следующей ситуацией: после убийства главы ведомства (представителя Западной Германии), в котором работает главный герой Фонти (представитель Восточной Германии), ищущий свое место в новой объединенной стране, в состоянии глубокого потрясения он пишет письмо своей случайно объявившейся (как отголосок Второй мировой войны) и ставшей близкой по духу внучке во Франции, которая, как и он, увлечена творчеством немецкого писателя Т. Фонтане:

а) пласт **коммуникативно-прагматических** пресуппозитивных знаний (жанровая идентификация, тема и структура текста, речевое поведение коммуникантов):

– универсальным является выбранный главным героем *жанр* письма. Так как письмо как жанр предполагает адресацию своих мыслей и чувств в письменной форме, подразумевающую несиюминутное прочтение, автор обладает возможностью использовать естественный способ экспликации себя как личности. Перлюкцией жанра письма выступает стереотип о том, что переписка обычно предусматривает непринужденность и искренность отношений адресата и адресанта, в противном случае, «отсутствие этой предпосылки обычно сразу же ощущается как препятствие для общения и может даже привести к его прекращению» [9, с. 112]. Доказательством подобного типа общения являются формулы приветствия и прощания, выработанные веками. Так, в данном отрывке письмо начинается с вполне соответствующего статусу адресата обращения – «Mein liebes Kind» («мое дорогое дитя»);

– на уровне *тематики* универсальной является основная тема письма – весть об убийстве главы ведомства, которое глубоко потрясло главного героя, считавшего его хорошим человеком: «*Mir wird er noch lange fehlen. Ein Mann ganz ohne Allueren*» («Мне будет не хватать его. Мужчины без лишней манерности») [13, с. 629]. Даже не вдаваясь в подробности описываемой действительности, любому человеку будут понятны испытываемые горем чувства – сожаления и даже скорби;

– письму как особой *жанровой форме*, вне зависимости от национально-культурной принадлежности автора, характерен диссонанс линейных синтаксических связей в виду произвольного характера тематических элементов в ходе изложения мысли: «*Er lief sich davon. Und nun hat es ihn eingeholt. Was wird kommen? Man sagt, eine Frau sei als Nachfolgerin im*

Gespraech» ... Danach ging Fonty in seinem Brief auf Madeleines Studium ein» («Он пытался убежать от реальности. Но тщетно. Что теперь будет? Говорят, в качестве приемника выбирают женщину» ... После этого Фонти стал интересоваться об учебе Мадлен в университете» [13, с. 629];

б) в пласте **лексико-грамматических характеристик** повествования главного героя общеизвестное обнаруживается в разговорном стиле литературного немецкого языка, на котором написано письмо в соответствии с адресатом (для Мадлен немецкий язык не является родным, поэтому ей ближе его литературный вариант). – *«Natürlich ist nach außen hin Halbmast angesagt. Mit offiziellen Tränen wäre ein Schwimmbassin zu füllen. Aber so süchtig ich alles mir greifbare Zeitungslöschpapier nach einem guten Wort durchraschle, nichts spricht zu Herzen, spaltenlang werden lederne Hülsen geboten, der Mord hat feige oder hinterrücks zu sein, dem Opfer wird Mut zur Härte und Pflichterfüllung bis zum Letzten bestätigt, und in Leitartikeln ist man bestuert oder betroffen» («Конечно же кругом приспущены флаги. Слезами официальных лиц можно было бы наполнить целый бассейн. Целыми днями пытаюсь отыскать во всей этой газетной чепухе хоть одно нормальное слово, но все не по душе, везде одна шелуха, его смерть явно была коварно и предательски спланирована, жертве приписывают твердость характера и чувство долга, а в передовых статьях лишь слова сожаления и растерянности» [13, с. 625];*

в) уровень **энциклопедических** пресуппозитивных знаний раскрывается в описании и передаче многих общеизвестных фактов и процессов реальной жизни: *«als fordere der freie Markt diesen Preis» («как будто бы этой цены требовал свободный рынок»), «Der Kanzler hingegen scheint mir eher verärgert, ... er mag sich (wie der Kaiser im Maerchen) entblößt vorkommen, ein kolossaler Nackedei» («Канлер выглядит раздраженным, он чувствует себя будто обнаженный (как король в сказке), огромный гольшш» [13, с. 625], «Unser Riese hat was Kleines im Gemuet» («Наш гигант мелок душой»), «Attentate waren schon immer die Regel» («**Политические убийства** существовали во все времена») [13, с. 626] и т. д.*

Как показывает пример, универсальное определяется на всех уровнях пресуппозитивных знаний, реализуемых в данном тексте, выстраивая каркас для его понимания и интерпретации представителям иных языков-культур. При этом к наименее культурноносным относится пласт коммуникативно-прагматических знаний, то есть собственно область дискурсивного взаимодействия, естественно свойственного человеку говорящему.

С другой стороны, во время прочтения и интерпретации данного отрывка на всех трех указанных уровнях ПБЗ нами были установлены определенные «пробелы», потребовавшие дополнительных усилий для их декодирования и расшифровки всего смысла текста (обращение к специализированным словарям, энциклопедиям). Это связано с несовпадением в ментально-лингвальном комплексе знаний автора и

читателя в виду отнесенности к различным языкам-культурам. Такие знания, которые отражают основные черты национального ментально-лингвального комплекса в процессе общения, мы относим к национально-специфичным.

Так же как универсальные пресуппозитивные знания национально-специфичные ПЗ определяются через категории языка, сознания и культуры, но в их обратной интерпретации:

язык/речь – сознание – национальная культура, с той точки зрения, что каждая из данных категорий является ярким признаком нации: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается... общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [10, с. 14]; национальная культура рассматривается как «память народа, специфический вид деятельности определенного национального социума и своеобразное поведение представителей того или иного этноса» [11, с. 24]; сознание интерпретируется в составляющих менталитета нации, таких как национальное мышление, национальная картина мира, когнитивное пространство, концептосфера и пр.

Национально-специфичные знания, так же, как универсальные, обнаруживаются на всех уровнях ПБЗ в указанном отрывке:

а) в области **коммуникативно-прагматических знаний** важным фактором присутствия национального явились *личности субъектов внутреннего дискурсивного взаимодействия*, точнее, их социальный статус: Фонти – бывший архивный работник по сбору материалов о немецком писателе Т. Фонтане, а его внучка является студенткой, изучающей литературу и пишущей работу по творчеству данного писателя в одном из вузов Франции. Это объясняет интертекстуальную насыщенность письма. Фонти позволяет себе сравнения реальной жизни с творениями и героями немецкого писателя Т. Фонтане (в центре – гендерный аспект – сила духа женщин, так как на место прежнего главы ведомства приходит женщина; пример мужественности духа являет собой и внучка): *«Ausserdem kann, was die Evastoechter angeht, getrost behauptet werden: Uns sind ein Dutzend Weibsbilder von starkem Willen gelungen. Dafuer moegen Melanie van der Straaten, Corinna Schmidt und ihr Widerpart Jenny Treibel, im gewissen Sinn sogar Lene Nimtsch und ganz gewiss Mathilde Moehring buergen, deren Tatkraft nicht von der Pappe war» («Кроме того, что касается дочерей Евы, то здесь можно смело утверждать: нам удалось создать дюжину женских образов с сильным характером. К таковым точно можно отнести Мелани ван дер Страаген, Корину Шмидт и ее противницу Жени Трайбель, в некотором смысле даже Лену Нимтш, ну и конечно же Матильду Мёринг, чья жизненная сила не была пустой болтовней» [13, с. 629]. Все указанные героини являются персонажами произведений Т. Фонтане: Melanie van der Straaten – героиня романа «L'Adultera», женщина, не потерявшая саму себя; Corinna Schmidt и Jenny Treibel – представляют роман «Frau Jenny Treibel» о*

мечтах мелких буржуа попасть в высший свет любой ценой; Lene Nimtsch – героиня романа «*Irrungen Wirungen*», повествующего о любви неравных по сословию людей – барона и офицера Botho von Rienaecker и мелкобуржуазной портнихи Lene Nimtsch; и наконец, Mathilde Moehring героиня одноименного романа Т. Фонтане, рассказывающего о молодой прагматичной девушке, поставленной в жесткие условия выживания и ставшая в конечном итоге сильной и независимой женщиной;

– искренность и глубокое чувство уважения между участниками дискурса, что обуславливает *перлокуцию* жанра письма, передается через обращение к внучке на ты, но с заглавной буквы (что в немецкой этике присуще только местоимению *Вы – Sie*): «*Du wirst nun prompt Dein zartbittres Gesicht machen oder altklug das Koepchen schuettern*» («Скорее всего, Твое лицо приобретет особое нежное с горечью выражение или Ты будешь кивать своей головкой с таким видом, как будто Тебе уже много лет»), «*Grossmama Emmi (die Dich uebrigens gruessen laesst) war ... wie erschlagen*» («Бабушка Эмми (которая, кстати, передает Тебе привет) была поражена этим известием») [13, с. 629];

– *диалогичность письма* выражается в использовании особой формы глагола в немецком языке – Konjunktiv I, которая способна передать чужую речь (что не переводится на русский язык): «*Vielleicht, nein, sicher lehnst Du meinen Vergleich ab und sagst, man koenne die deutschen Kuemmernisse, nicht mit La Terreur, der Guillotine und der Tugendherrschaft des Wohlfahrtsausschusses auf ein Mass bringen*» («Нет, наверное, ты не примешь подобное сравнение и скажешь, что скорбь немцев, нельзя ставить на одну чашу с эпохой террора якобинской диктатуры, гильотиной и добродетельным господством Комитета общественного спасения (Франция, 1793 и 1958)») [13, с. 626];

б) естественной лакмусовой бумагой национальной культуры является **язык**, передающий в словах, фразах, устойчивых выражениях, синтаксических конструкциях все краски данной культуры, к которой относится автор письма (главный герой в системе субъектов художественного дискурса по отношению к воспринимающему его текст читателю):

– на *лексическом уровне* национальное проявляется в валентности слов: «предательское убийство» дословно переводится как убийство со спины («*der Mord hat hinterruecks zu sein*»), широта души – как величина души «*Gemuetsgroesse*»;

– на *морфологическом уровне* представлено много сложных слов, что типично для немецкого языка, особенно его литературного варианта: *Pflichterfuellung* (выполнение обязанностей), *hassenswert* (заслуживающий ненависти), *Racheengel* (ангел мести) и т. д.; кроме того, в немецком языке и культуре ярко выражен гендерный аспект, он находит отражение, например, в уточнении женского рода при определении профессий с помощью специального окончания (in) даже во множественном числе – «*Wenn ich Arbeiter sage, meine ich die*

Arbeiterinnen auch» (Если я говорю рабочие, то в их числе я подразумеваю и женщин-рабочих);

– *фразеологический уровень* является одним из наиболее показательных в плане национальной окрашенности передаваемых языком значений: устойчивое выражение «быть по душе» в немецком передается через «сердце» («*nichts spricht zu Herzen*» – досл. «ничто не лежит близко к сердцу»); «заварить кашу» означает «сварить суп» («*all das, was wir unserer Einheitsuppe eingebracht haben*» – досл. «все то, с чем мы сварили наш суп единения страны») и т. д.;

– на *синтаксическом уровне* стоит отметить четкий порядок слов в предложениях, что особенно свойственно литературному языку, а именно – на нем написано письмо: «*Und ich Dummkopf habe den Treuhandchef, als er mich wiederholt in meiner Klause im siebten Stock beehrt und auf meinem Sofa gesessen hat, von maennlichen Taetern zu warnen versucht*» – первая часть СПП являет собой простое повествовательное предложение с прямым порядком слов, а вторая – придаточное предложение времени с союзом *als*, который требует особого порядка слов – изменяемая часть сказуемого ставится в конец предложения; используется свойственное письменной речи простое повествовательное прошедшее время Praeteritum: «*Als mich der Chef zum letzten Mal in meiner Klause besuchte, das war in der Nacht zum Gruendonnerstag, der dem 1 April vorausging, plauderten wir ueber Bismarcks bevorstehenden Geburtstag und machten uns ueber den zu meiner Zeit ueblichen Rummel in Sachsenwald lustig*» [13, с. 630];

в) **энциклопедический уровень**: области жизни, переданные этим уровнем весьма универсальны (реалии, интертекст, фоновые знания), а вот их содержательная наполняемость зачастую национально-специфична. Например, образ сильной женщины передан героинями немецкой прозы (интертекстуальный уровень), поскольку автор романа, как и персонаж, выступающий в отрывке в качестве его автора, увлечены творчеством Т. Фонтане. Национально-окрашенным является фоновое наполнение тематики данной речевой ситуации – убийство главы ведомства, где работает Фонтане. Речь идет о ведомстве по приватизации имущества Тройханд во времена объединения Германии, негативно оцененной жителями восточной части ввиду несправедливости и поспешности в вопросах распределения исконных земель и недвижимости. Прототипом описанного главы ведомства стал действительный глава Тройханд конца 80-х начала 90-х гг. в Германии Детлеф Карстен Роведдер, убитый в своем доме в г. Дюссельдорф из снайперской винтовки. Это убийство стало одним из наиболее громких дел в истории Германии, которое до сих пор осталось нераскрытым. Политические убийства и убийцы – тема всемирноизвестная, однако в тексте даны имена немецких и французских посягателей на жизнь «*Klempner Hoedel*», «*Dr. Nobiling*» (покушения на кайзера Вильгельма I), *Charlotte Corday* (убийца Жана Поля Марата – одного из предводителей Великой Французской Революции) и т. д.

В результате проведенного анализа по трем указанным направлениям выяснилось, что национальное, так же как универсальное, в рамках ПБЗ проявляется на всех уровнях составляющих ее знаний. Национальная картина мира определяет соотношения релевантных для пресуппозиции категорий, которые находят отражение в жанре произведения, его названии, темы и структуры, а также речевом поведении и фоновом наполнении речи субъектов дискурса. Наиболее культуросносными компонентами при этом являются эксплицитные составляющие ПБЗ – языковые и энциклопедические, что говорит о способности человека выделять и отражать в мышлении и языке наиболее близкие ему явления и события.

Итак, противопоставление универсального и национального, своего чужому, является естественной основой любого дискурсивного процесса, а следовательно, текста как его письменного варианта, наиболее обостряясь в межкультурной коммуникации. Проникая в этот процесс (пройдя все этапы познания) национальное и универсальное вплетаются друг в друга, создавая единое целое, состоящее из двух частей, которые находятся в процессе постоянного совершенствования и дополняют друг друга, то есть представляют собой некий «организм», существующий в диалектическом двуединстве. Представив соотношение этих понятий как части и целого, частного и общего, где основой, ядром служит универсальное, окруженное и составленное из частных микросфер, представленных отдельными нациями и народностями, мы определяем своей основной задачей попытку избежать их конфронтации, взаимопоглощения, что в конечном итоге может вызвать культурную контаминацию, преодоление которой и дает возможность налаживания межкультурной коммуникации, нацеленной на бесконфликтный диалог культур.

Исследуемая нами пресуппозиция относится к национально-культурным особенностям организации дискурса в качестве смыслообразующей единицы коммуникативно-дискурсивного взаимодействия людей как представителей языков-культур. Относительно художественного дискурса мы считаем необходимым выделение конкретных пластов пресуппозитивных знаний – коммуникативно-прагматического, языкового и энциклопедического, внутри которых возможно разграничение универсальных и национально-специфичных знаний, создающих основу для понимания либо непонимания иноязычного художественного текста представителем иного языка-культуры, так как автор и персонажи, выступают с одной стороны данного дискурса, кодируют полотно художественного текста, «используя пресуппозиции и фоновые знания, присущие их культуре», с другой стороны читатель декодирует заложенную в художественном тексте информацию, «используя другой набор пресуппозиций и фоновых знаний. Декодирование информации фактически представляет собой новое кодирование, то есть перевод информации на собственный код» [12, с. 66].

Таким образом, универсальное и национальное входят в пресуппозитивный набор знаний в качестве компонентов ПБЗ, проявляясь на всех трех ее уровнях в рамках художественного дискурсивного взаимодействия – коммуникативно-прагматическом, языковом и энциклопедическом. В контексте пресуппозитивных знаний универсальное и национальное преломляются через детерминирующие предпосылки категории языка, сознания и культуры, выстраивая смысловую базу художественного текста как письменного варианта дискурса произведения, успех декодирования которого в условиях различий культурных пространств автора и читателя может состояться только при условии совпадения набора пресуппозиций в их ментально-лингвальном комплексе знаний относительно данного дискурса.

Литература

1. Тураева, З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика) [Текст] / З. Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
2. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Солодилова, И. А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла [Текст] / И. А. Солодилова. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – 133 с.
4. Адмони, В. Г. Морфологическая структура слова в немецком языке [Текст] / В. Г. Адмони // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках: сб. ст. / отв. ред. В. М. Жирмунский, Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1970. – С. 182 – 221.
5. Щирова, И. А. Дискурсивные и коммуникативные параметры текста [Текст] / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова // Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. – СПб.: Книжный дом, 2007. – Гл. 4 – С. 177 – 207.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб., 1998. – С. 14 – 285.
7. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-Бук: К. Ваклер, 2001. – 656 с.
8. Сабитова, З. К. Прошлое в настоящем. Русско-тюркские культурные и языковые контакты [Текст] / З. К. Сабитова. – Алматы: Казак университеті, 2007. – 320 с.
9. Демьянков, В. З. Интерпретация текста и стратегия поведения [Текст] / В. З. Демьянков // Семантика языковых единиц и текста: лингвистические и психолингвистические исследования. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. – С. 109 – 116.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 259 с.
11. Фирсова, Е. В. Национально-культурная специфика речевого поведения русских и немецких

авторов: синтактико-прагматический аспект [Текст]
/ Е. В. Фирсова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19.
– Ростов-на-Дону, 2003. – 154 с.
12. Леонтович, О. А. Русские и американцы:
парадоксы межкультурного общения [Текст] /

О. А. Леонтович: монография. – Волгоград: Пере-
мена, 2002. – 435 с.
13. Grass, G. Ein weites Feld Roman / G. Grass. –
Goettingen: Steidl Verlag, 1995. – 781 p.